

ЗЕМЛЯ И КУЛЬТУРА

О пользе просвещенного консерватизма

К сожалению, умение говорить при отсутствии культуры слушать есть явный и печальный знак нашего сегодняшнего дня. Вот почему я пишу эти строки просто так, без определенного адреса — в надежде, что все-таки кто-нибудь, особенно из тех, от кого реально зависит будущее нашего Отечества, сумеет найти время и силы прислушаться к этим опоздавшим размышлениям. Речь идет о так называемой приватизации земли.

Надежды эти подкрепляются расчетами как отечественных, так и зарубежных экономистов-теоретиков, практикой хозяйствования почти не занимающихся, знающих, по их мнению, как накормить страну, но не умеющих, по моему убеждению, этого сделать. Что касается зарубежных их коллег, то их благие рекомендации, как улучшить, перестроить, заменить и т. д. и т. п., явно окрашены в марксистские тона, ибо позволяют провести еще один эксперимент, и опять на чужом народе. Как и для марксистов, Россия для них чужбина, а с ней обычно не очень церемонятся. Зато интересно (с научной точки зрения) посмотреть, что же из всего этого может получиться. Помните известный пассаж из Андрея Вознесенского: «Есть идея! Если разрезать земной шар по экватору и вложить одно полушарие в другое, как половинки яичной скорлупы... Правда, половина человечества погибнет, но зато вторая вкусит радость эксперимента!...».

Я принадлежу к тем, кто к экспериментам на судьбах людей относится совершенно определенно: это недопустимо и преступно. Сегодня многие жаждут «вкусить» радость эксперимента, наивно полагая, что судьба первой половины их обойдет стороной.

Полагаю, что художник более, чем кто-либо другой, имеет право на осмысление мира и эпохи чувством, тем более что с точки зрения «радио» таких объяснений сегодня предостаточно. Так вот для понимания своего времени трагический вскрик Евгения Замятина «Я боюсь!» значит гораздо больше, чем многочисленные исследования революционной эпохи. Но и время тогда было другое — традиции народной жизни (хозяйственные, культурные, религиозные), подрубленные под корень топором «социального прогресса», все-таки еще жили, что вселяло надежду на возрождение. К сегодняшнему дню, когда агонизирующему «дреvu народной жизни» грозят полное истребление и духовная смерть, мне хочется не просто крикнуть «Я боюсь!», но «Я очень боюсь!».

Все семьдесят с лишком лет государство транжирило то, что нашей стране Бог ни послал. Мы продавали не продукты своего труда, а дарованное свыше — нефть, уголь, газ, руду, все то, к чему не были приложены наши руки. Когда же истощились недра, вчера еще казавшиеся бездонными, пришел, видимо, черед пойти с молотка и самому корню русскому, матушке-земле и «второй природе» нашего народа — русской культуре. Вообще эти два вопроса — земля и куль-

тура — для меня нерасчленимы, едины. Дальше продавать будет уже нечего — пустота, смерть, забвение...

Предвижу многочисленные обвинения в свой адрес — ведь сомнения сегодня, в эпоху дурацкой эйфории, не в почете, но поделаться с собой ничего не могу. Натякаясь на нравственную глухоту, доходящую в прямом смысле слова до глухоты физической, обращаюсь к тем, кто еще может, а главное — хочет выслушать сомнения, которые небесполезны уже в силу того, что мы ясно видим, как на наших глазах великий народ, лишенный кола и двора, назлектризованный хлесткими лозунгами типа «Даешь приватизацию земли», «Даешь приток иностранного капитала в отрасли культуры», «Даешь ликвидацию Мининстерства культуры» и т. д. и т. п. (помните давнее «Даешь коллективизацию», «Даешь новый быт и культуру» и т. д. и т. п.), опять пытаются превратить в политизированный студень, которым так легко манипулировать.

Политики сегодня в массе своей одномерны, они вроде бы умеют логически мыслить и просчитывать варианты, отбрасывая такие «иррациональные» понятия, как совесть, нравственность, любовь в конце концов. Умение просчитывать все и вся — это на сегодняшний день, возможно, и благо, но что-то подсказывает мне, что сегодняшнее благо неизбежно обернется завтрашним неблагополучием и еще одной народной трагедией. Если планируемые экономические реформы, технократически выверенные и математически безупречные, будут опять лишены гуманитарного содержания, если вновь «забудут», что речь идет не об абстрактных моделях и вариантах, а о конкретном человеке, связанном (пока еще) кровными узами со своей Историей, Религией, Землей.

Да, земле нужен хозяин с развитым чувством собственника. Деловой человек, умеющий хозяйствовать, т. е. обрабатывать землю, выращивать хлеб, продавать плоды своего труда, относящийся к ней не как к предмету выгодной купли-продажи, но как к частице самого себя, как к земле-матушке.

Для нашей страны особенно земля несет в себе некий мистический смысл, и рассматривать ее лишь как экономическую категорию есть очевидное недомыслие. Это понимали даже большевистские руководители, которые на месте рухнувшей крестьянской общины создавали все-таки колхозы — эту бюрократическую имитацию общинного землепользования, а не фермерское хозяйство на манер североамериканских.

Сегодня же, провозгласив приватизацию земли, наши руководители силится внедрить вненациональную модель организации сельского хозяйства, основанную на энергии капитала. Однако кто сегодня богат, именно сегодня, в эпоху первоначального накопления капитала? Спекулянты, теневики, преступные элементы. Да что там говорить — всем, очевидно, полезно еще раз просто перечитать хотя бы Диккенса. И кто же станет сегодня вла-

дельцем нашей земли? Очевидно, что не российский труженик. Вот и получит наша страна не хозяина земли, а ее владельца, который освоит ее с огромной экономической выгодой.

Крестьянство будет добито окончательно и превращено, в лучшем случае, в обслуживающий персонал данного экономически выгодного объекта. Да и зачем вообще нужен будет российский труженик с его чувством землеродины — ведь сподручнее и выгоднее наемные рабочие, для которых эта земля всего лишь объект с определенными характеристиками — песчаная почва или суглинок, а лучше всего чернозем. И можно насиловать эту землю с помощью самых «научных методов» вплоть до полного ее истощения, а затем без терзаний и сомнений бросить ее и перебраться на новую экономическую территорию. Вот тогда и окончательно умрет провинция, которой еще жива Россия.

Все эти процессы в той или иной мере уже идут, а дешевой рабочей, но равнодушной к земле силы хоть отбавляй — огромные массы вьетнамцев, корейцев готовы предложить свои услуги. Однако мне становится как-то неуютно и страшно, когда я представляю себе русскую деревню где-нибудь на Ярославине, заселенную трудолюбивыми китайцами, превращающими эту русскую землю в экономически рентабельную территорию. По сравнению с этим кошмаром даже программа ликвидации «неперспективных деревень» кажется детским лепетом.

Мы живем все-таки не на территории, не на экономическом пространстве, а на родной земле, где лежат кости наших предков. Именно это и делает ее Родиной, землей-кормилицей. Предполагаемая ее продажа денежным мешкам, не имеющим с ней кровной отеческой связи, погубит страну, ее генофонд, ее будущее. Ведь недаром в народе говорят: «Чья земля, того и вера». Я бы желал, чтобы русская земля оставалась Русской.

Я не политик и не претендую на законодательные рецепты, но меры защиты российской провинции, русско-крестьянина хотел бы все же предложить. В первую очередь это касается введения преимущественного права владения землей коренному (подчеркну: не русскому, а коренному, т. е. живущему здесь) населению. Именно оно должно иметь льготы (причем огромные) перед всеми други-

ми, кто хотел бы эту землю приобрести. Я имею в виду низкие расценки стоимости земельного фонда, чтобы коренное население было конкурентоспособно отстоять право владения землей. И следующий шаг — кредиты и ссуды на сверхльготных условиях опять же коренному населению для становления крепких хозяйств.

Необходимо вернуть и традиционное монастырское землепользование, причем в значительных объемах, — ибо это были и, уверен, будут центры подлинного народного землепользования и хозяйствования, экологически чистые и нравственно здоровые.

Не закрывать колхозы и совхозы, а использовать все здоровое и полезное в них, заимствовать от традиционного общинного землепользования. Для этого необходимо полностью деидеологизировать их, чтобы они служили земле, а не какой-нибудь политической идее (не важно, вчерашней ли коммунистической или сегодняшней демократической).

Предоставить право крупным предприятиям (заводам, фабрикам, комбинатам) приобретать пустующие бросовые земли и неуголья для ведения сельскохозяйственного производства. Трудовые коллективы сегодня — это в определенной мере тоже общины, где невозможны сговоры и тайные решения.

Рискнул бы предложить еще одно решение, но боюсь, что на сегодняшний момент оно будет не принято общественным мнением. Речь идет о дворянском землепользовании. Оно имело в прошлом свои минусы и плюсы, но, право же, плюсов все же было больше. Не кажется ли вам, что настало время возврата земли потомкам прежних владельцев усадеб с гарантией со стороны последних заниматься именно сельским хозяйством. Хотя уверен, что процент желающих заняться именно этим будет незначительным. Да и где их взять сегодня — потомков старой дворянской культуры землепользования?

Я мечтаю о соединении экономики с культурой, о неразделимости вопросов практических и нравственных.

«Нравственно лишь то, что служит делу рабочего класса» — этот незыблемый лозунг прежних лет, похоже, опять начинает вдалбливаться в общественное сознание. Правда, «рабочий класс» заменен в этой нехитрой формуле на более хоровые слова «свобода», «демократия», «экономическая выгода» и т. д. Но нравственность есть категория вечная, и не служит она ничьим интересам. Все достаточно просто и старо, как мир. Нравственно хо-

рошо работать и гордиться делами рук своих, безнравственно жить за счет других. Нравственно любить свою землю и Родину, безнравственно желать ее распада, уповая на сомнительное будущее ее процветание в рамках неких экономических пространств.

Вообще процессы приватизации земли очень напоминают манипуляции со «второй природой», нашей задержанной перестройками культурой.

Развернутая сейчас под знаменем борьбы со старой коммунистической идеологией ломка государственного управления культурой на деле представляет собой не что иное, как уничтожение культуры. Культура вообще не терпит революционных преобразований, потому что она по своей сути — традиция, стабильность, даже консерватизм. Для нее возможен только путь реформ, поэтому можно сказать, что культура и революция понятия несовместимые. Учреждения культуры не готовы к тому, чтобы управлять сами собой. Слой грамотных управленцев от культуры сегодня сосредоточен в государственных структурах. Такие люди, несмотря ни на что, все-таки есть. Не надо торопиться с ликвидацией этих управленческих структур. Жизнь покажет, когда они окажутся ненужным тормозом и отомрут сами собой.

И вообще, если посмотреть, что творится с нашей культурой сегодня, то, как и земля, она все больше становится объектом политических игр, средством удовлетворения политических амбиций, средством наживы.

Пожоже, что сегодня народ просто устал от исторических экспериментов и идея коммерциализации земли и культуры не встретит серьезного сопротивления. Не будет ни «аграрных беспорядков», ни «музейных волнений», ни «театральных бунтов». Но я боюсь, что через какое-то время уставшая и обескровленная страна просто уйдет в небывшее, когда пойдет с молотка ее земля и культура — словом, все то, что зовется привычным словом Родина.

Правда, почему-то уверен, что в России и эти эксперименты не пройдут, как не удался социализм и коммунизм и атеизм, что и на этот раз родная кривая вывезет. Но кривая дорога — дальняя, и так надоело давать всему миру уроки чего-то. Предоставим право Западу самому учиться на собственных ошибках, а нам надо все-таки идти своим, российским путем. Я верю, что когда-нибудь это время придет.

Никита МИХАЛКОВ,
кинорежиссер.

ВМЕСТО КОММЕНТАРИЯ

Антон Павлович Чехов не был великим экономистом, но его вздох над запущенным вишневым садом много значил для России.

Никита Михалков прислал в редакцию статью о земле и культуре, которую читатель прочтет уже потому, что ее написал Никита Михалков.

Честно признаемся, не все взгляды известного кинорежиссера мы разделяем. Представление о дворянском землепользовании нам кажется идиллическим, и крестьянская община — отнюдь не рай земной, даже с точки зрения просвещенного консерватизма. Одно бесспорно: взгляд на землю, на крестьянство не только как на экономическую категорию полезен и законодательно, и человеку практического дела. Отдел социально-экономических проблем «КП».